

4248936

СИНИЙ ЖУРНАЛЬ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 годъ 2 р. 50 к.	на 3 мѣс. 65 к.
» 1/2 » 1 » 25 »	» 1 » 25 »

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ ЗА СТРОКУ ПОПНАРЕЛН:

ПЕРВЪ ТѢКСТОВЪ 1 р. — к.
ПОСЛАДИ ТѢКСТА — » 80 »

Адресъ Главной Конторы: Спб., Бассейная, 3—5. Тел. 524-62, Редакци: Спб., Фонтанка, 80. Тел. № 514-27.

— БЕРУ... ДАЮ!!

Ориг. рис. съ натуры нашего художника Н. Н. Герардова.

На биржѣ.

Биржа на этихъ дняхъ переживала крайнее оживленіе. Много способствовали полему и волненію послѣднія событія въ области внутренней политики...

Громъ того въ храмѣ Ваала ощущалось особенное безпокойство въ виду слуховъ о китайско-русской войнѣ, переговорахъ нашего посла въ Китаѣ съ китайскими дипломатами и т. д.

Газеты раскупались нарасхватъ, событія комментировались на всѣхъ языкахъ...

Все кипитъ, шумитъ, волнуется...

Видимая картина биржи, конечно, мало отличалась

отъ обычной: биржевикъ, прѣтѣкавшій въ тысячной бобровой шапкѣ, сѣвшій немедленно бросить ее въ одну изъ картонокъ, которыми устлана курительная комната и замѣняющъ ее, легкимъ головнымъ уборомъ—цилиндромъ или котелкомъ.

На „биржѣ“ все съ покрытой головой. Вокругъ „кит-ль“ биржи, словно въ солнечной системѣ, вращаютъ я звѣзды второй и третьей степени.

Шумъ, гулъ, выкрики, дѣл непостояннаго непонятные:

— Городскимъ съ позволю!

— Беру! Даю! Плачу! Три восьмыхъ плачу!

— Даю...

СОЛНЕЧНАЯ КАРОЛИНА.

Кто только теперь не посылает ароматного, зализанного солнцем, искришагося въ морскихъ брызгахъ, Капри, — теперь, когда тихий, спокойный островъ «осчастливилъ» своимъ пребываніемъ Максимъ Горькій.

Очень немногіе уѣзжаютъ обратно, не подлюбовавшись очаровательнымъ видомъ изъ оконъ «дворца» Горькаго, не осмотрѣвъ подробно всѣхъ внутренностей его «виллы»... и — не поспѣвъ знаменитой танцовщицы Каролины.

Каждому М. Горькій горячо совѣтуетъ сходить и посмотреть на эту танцовщицу.

Чтобы увидѣть ее, нужно около часа взбираться вверхъ, на самое возвышенное мѣсто острова.

Горитъ солнце и море вокругъ кажется бриллантовымъ. Нестерпимъ блескъ солнца, отраженного въ зеркальной водѣ.

Вотъ кафѣ «Тиберія».

Два раза въ недѣлю собираются сюда жители Капри и иностранные туристы — посмотреть волшебную тарантеллу волшебницы Каролины.

Незабываемое впечатлѣніе остается у зрителя отъ красочнаго знойнаго танца артистки.

Никто во всей Итали не плашетъ жгучей тарантеллы лучше Каролины.

Спеціальной музыки для танца нѣтъ, если не считать бубна въ рукѣ танцовщицы и кастаньетъ на пальцахъ ея и партнера.

Но и этого достаточно. Кажется, что все поетъ и играетъ: и звенящее солнце, и розовая даль, и розы, и очарованные зрители, и національные красивые костюмы танцующихъ.

«Тиберія» стоитъ на головокружительной высотѣ. Смотришь на море, и оно кажется какъ будто подъ ногами.

Но брошенный камень не долетаетъ до воды (Горькій занимается этой невинной забавой цѣлые часы).

Не хочется покидать волшебной панорамы райскаго уголка, гдѣ мелькаетъ и стучитъ подъ рюлетъ кастаньетъ легкая ножка королевы тарантеллы — Каролины, первымъ поклонникомъ которой числится нашъ писатель-эмигрантъ...

КНИЖНИКА И ГАЗЕТНАЯ ПОЛКА.

Вампука народной пѣсни.

Кто принесъ въ редакцію пѣсописи «Разлука» Анат. Буякина, ново-сибирскаго критика, до сихъ поръ остается злобной тайной. Спрашивали чуть не всѣхъ, — отказываются.

А книжка лежитъ на столѣ и портитъ редакцію. Знаете, что такое массовый психозъ? Что такое магия подражанія народныхъ пѣснями.

Взять теперь Алексѣя... Исполнительный, тихій, неслышай, — вдругъ яляется въ комнату и самымъ разбойничьимъ мотивомъ доказываетъ:

— Эхъ да, Алл'Иванна!
Эхъ да нашъ патрощъ
Да эхъ такъ очень страшно
Эхъ проснись въ телефонъ...

И Алпа Ивановна подходитъ къ телефону и впртъ начинается на «осторожномъ» алтѣ:

— Да эхъ у телефона я,
Да эхъ алтѣ... Отбой!
Да я дѣвица скромная...
Эхъ, что дѣлаютъ со мной!

Секретарь купилъ пина, мрачно застылъ въ угловую комнату и цѣлый день гудитъ. Но уже не пародію, а прямо изъ Буякина:

— Небось со мной, блондиночка,
Какого мнѣ рожна?
Блондиночка — хитриночка —
Заманная жена...

Оказывается, что сочинять пѣсни «подъ Вампуку Ключичка» не такая ужъ хитрая механика.

Но зачѣмъ Ан. Буякинъ смущаетъ людей. Ему то все равно, а людямъ нужно служить и работать.

Разсерженный издатель сочинилъ вѣтѣлю, — плохую, но вѣрную:

Эхъ Буякинъ ко писанію
Нѣо несчастливѣе пѣсней
Эхъ подхлѣвъ въ окончаніе,
Прельзъ могилы-да стонѣтъ.
Я надого прокукаю:
Слабѣ ты критикъ, плохъ поэтъ...
Эхъ вампукою «Разлуку»
Ты зарѣзай въ пѣтѣ дѣтъ

В.

Самородокъ.

Записки литературнаго Макара — «Прокрустово ложе» — М. Сивачева.

И началъ писать рассказы и рѣшился събѣжать писателемъ. Но меня не поддержали, вы, бухте прокляты, — интеллигенты, банкроты духа...

«Идиоты Говорилъ я самъ себѣ: ты хочешь вступить на путь великодушій, на путь прощенія: вотъ пожинай теперь плоды. Ты хотѣлъ перекинуть мостикъ черезъ бездну — безднѣ раскинулась широко и глубоко. Ты протянулъ руку примиренія, — тебя не поняли, обожли, ты стоишь съ протянутой рукой, ошельмованный, обманутый...»

Это самородокъ писателя изобрѣтаетъ нашу интеллигенцію. Онъ хотѣлъ перекинуть мостъ между народомъ и интеллигенціей, но не перекинулъ, и написалъ «Прокрустово ложе».

Хитрая штука это — перекинуть мостъ. Вотъ обратился г. Сивачевъ въ «баштукъ-писателю» за помощію.

«Баштукъ-писатель» давалъ самородку деньги, читалъ и исправлялъ его рукописи, давалъ свои карточки въ редакціи при рукописяхъ протеже, но... ухажалъ за границей.

И г. Сивачевъ разражается:

— Вослѣдуемой на бумагѣ отвлеченный талантъ самородокъ не являлся къ намъ въ реальномъ мілѣ, ибо наша житейская, повседневная мораль — это: осадки назавѣи Туда, въ тѣмъ невѣжествѣ, въ тѣсики нужды...

Долго кормилъ самородка М. Горькій, но и онъ разломалъ мостикъ черезъ бездну.

Спрашиваетъ М. Горькій Сивачева:

— А фуфайка теплая есть на васъ?
— Есть.

А одинъ разъ даже и не по-вѣрилъ:

КЪ СОБЫТИЯМЪ ВЪ КИТАѢ.

Китайская комиссия, командированная въ Европу для изученія постановки полицейскаго дѣла.

— Маруся, посмотри-ка, есть ли?

«Маруся» (жена Горькаго) отворачиваетъ обшлага верхней рубашки и убъядается:

— Есть. Не обманывааетъ.

Самородокъ убивается:

«Фуфайками подкупили, ну и опростовозмислиса нато, на что совсѣмъ не сдѣдуетъ. Раскрылись глаза мои на всѣ тѣ темные страхи, когда меня зазаскали фуфайками...»

Такимъ-то вотъ манеромъ перекидывалъ Самородокъ мостъ надъ бездною...

А можетъ быть, бездну надъ мостомъ — бездну пошлости, наглости и претензій...

Языковтвѣрчество С. Городецкаго.

Языкъ поэтезсы С. Дубновой не нравится С. Городецкому:

«Этотъ языкъ, не особенно у С. Дубновой правильный, иногда искажающій ударенія, иногда кривоизоряющій (выпрямить, въ предѣлахъ бытующихъ теперь типовъ языковтвѣрчества), заслоняетъ сущностно важное — ту душу, о которой, можетъ быть, призывъ рассказывать авторъ.»

Оба — какъ выражаются у Чехова — «образованность свою хотѣтъ показывать и все говорить объ непонятномъ...» Но языкъ С. Городецкаго выходитъ, кажется, даже за предѣлы «бытующихъ теперь типовъ...»

Рыдающій граммофонъ изъ фельетона Н. Ш. въ «Обозрѣнн театровъ.»

«Пусть рыдаютъ бархатными рыданьями его порывающія смертъ струны.»

«Пусть рыдаютъ и тоскуютъ, и жалуется, и зовутъ.»

«А самъ рыдаетъ.»

«Слушайте, слушайте эту рыдающую радость.»

«И рыдаетъ органъ.»

«На фонѣ бархатныхъ педальей рыдаешь ясно, ясное горестное контрапункто.»

Это въполнѣ чуждъ Вержбиловича рыдаешь.»

«Рыдаешь въполнѣ чуждъ.»

«Ахъ, нѣтъ, это рыдаешь граммофонъ.»

Граммoфонъ... ну то то! а мы думали въ самомъ дѣлѣ...

Литературный «баптизмъ.»

Въ доброе старое время, когда добрый романтизмъ на протяжении тысячи страницъ ни на минуту не упускалъ изъ виду своего героя, — герои и героини вели себя очень порядочно и никогда не называли себя неприндажежными имъ именами.

Теперь началъ встрѣчаться герой «Иванъ, Несомниный родства».

На одной страницѣ онъ Семьенъ, на десятой Гавриилъ, а на сотой вдругъ превращается въ самую настоящую Марью.

Въ послѣднемъ альманахѣ «Шиповника» у графа Алексѣя Толстого на стр. 19 изображаетъ Илья Рѣпьевъ, а на стр. 82 этотъ Илья оказывается Петромъ, и его дочь Софья Петровна (83 стр.)

Самому-то Ильѣ ничего, а дочери не ловко... Нехорошо!..

У Сологуба въ «Мелкомъ Бѣсѣ» (5 изд.) одного человѣка зовутъ Иванъ Степановичъ (129 стр.). На стр. 133 собственная жена Ивана Степановича въ здоровомъ умѣ и твердой памяти зоветъ его: — Степанъ Ивановичъ, на минутку!..

У Горькаго въ «Жизни неуважаемаго человѣка» певичикъ Ключниковъ, какъ свидѣтельствовалъ К. Чуковский, «возвращав-

дѣлъ» свою фамилию и вдругъ сталъ называться Ключаревымъ...

Что-же?.. Позвольте въ альбомѣ вышеназваннымъ авторамъ занести слѣдующіе строки:

Пишешь и даешь и такъ...

Стала Вавилою — Роза.

Имя — неважный пустякъ:

Nomina sunt odiosa!..

ЗА РУБЕЖОМЪ.

Синдикатъ оккультизма.

Такъ на вывѣсѣ вновь организовавшейся въ Парижѣ обществѣ любителей оккультныхъ наукъ, которое имѣетъ своими членами многихъ выдающихся ученыхъ, художниковъ, писателей и артистовъ.

«Синдикалисты» намѣрены подъ своимъ флагомъ соединить оккультистовъ всего мира. На первомъ засѣданнн всѣ ораторы сошлись на мнѣніи, что XX вѣкъ въ исторіи будетъ слыть подъ названіемъ «вѣкъ воздущоуплаванія и оккультизма». Оккультизмъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе и симпатіи самыхъ разнородныхъ классовъ и сословій.

Финансовые отдѣленія въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ открыты во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

ГРАНДИОЗНЫЙ БИЛЛЯРДНЫЙ МАТЧЪ.

Грандиозный матчъ въ 6000 очковъ въ берлинскомъ кафе знаменитаго Гуго Керку привлекаетъ ежедневно сотни заинтересованныхъ зрителей. Долго до того, что на матчъ приходится записываться за нѣсколько дней.

Гуго Керку въ Берлинѣ популяренъ, пожалуй, не менѣе Вильгельма II. Гуго Керку — непобѣдимый бильярдистъ, имя котораго съ гордостью произносится каждымъ берлинцемъ. Но Гуго уже старъ, — и никогда нескончающееся званіе свое хочетъ передать въ надежныя, молодая и сильныя руки брата, Эгона Керку.

Сейчасъ матчъ происходитъ между Эгономъ Керку и знаменитымъ австрійскимъ бильярдистомъ «маэстро» Бруно.

Первые дни состязанія безусловно доказали, что Эгонъ Керку поддержитъ «бильярдную» славу своего рода.